

ИРА
ДАЛИНСКИ

ОТЕЦ ЖЕНИХА

Запретный контракт

18+

Ира Далински

Отец жениха. Запретный контракт

«Автор»

2026

Далински И.

Отец жениха. Запретный контракт / И. Далински — «Автор»,
2026

«Свадьба отменяется. Не жди.» – получаю я сообщение от жениха за два часа до церемонии. После бурных разборок с подлецом, я сижу в кабинете его отца и рассказываю, как Дамир пообещал спасти меня от депортации, что я просила лишь фиктивный брак, потому что:– Виза истекает через три дня. Без документов на работу не берут. Никто не хочет проблем с мигранткой. А учеба для визы должна быть очной у меня не получилось оплатить семестр. Домой мне нельзя! Ни в коем случае! Теймур Барсов долго молчал. Этот мужчина всегда казался мне неприступной горой, и я старалась по возможности избегать с ним встреч.– Я помогу.– ...что?– Только на моих условиях. И снова этот взгляд. Та странная, манящая и пугающая искорка в его глазах, которую я вижу каждый раз стоит ему случайно посмотреть на меня. Или неслучайно?– Ты выйдешь замуж, Лея. За меня.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Отец жениха. Запретный контракт

ДИСКЛЕЙМЕР!

В тексте есть:

- разница в возрасте
- фиктивный брак (может и не совсем)
- красивая история, без пошлости
- нежная, ранимая героиня, цветочек
- герой настоящий мужчина
- запретные чувства
- но всё не так, как кажется
- хэ

Авторский вымысел.

Отношения к реальным странам и их действующим законам не имеет

Глава 1

Я стою перед зеркальным фасадом загса, поправляя воротничок белоснежной блузки. Единственная светлая вещь из моего скудного гардероба, подходящая под образ невесты на минималках.

Утро выдалось неестественно холодным для начала осени. Мои пальцы окоченели даже через тонкие кружевные перчатки, которые мне одолжила подруга. Невеста же должна выглядеть красиво.

«Надень что-то официальное, но без фаты.» – настойчиво советовал Дамир, мой жених, еще вчера.

Теперь его слова звучат в голове издевательским эхом.

Где же, собственно, он сам? Когда приедет?

Успокаиваю себя тем, что парень на машине и за два часа до начала церемонии точно успеет. Это я пришла немного рано. Просто нервничаю сильно. Сегодняшний день должен изменить мою жизнь навсегда.

Когда до начала остается каких-то двадцать минут, на телефон приходит уведомление. Я быстро смахиваю блокировку, потому что только и жду хоть какой-то весточки от своего жениха, которого черти, где носят.

Сообщение вспыхивает на экране:

«Свадьба отменяется. Не жди.»

В глазах потемнело. Я перечитала текст несколько раз, будто от повторения должны были появиться другие слова.

Напечатанное на экране телефона, кажется мне какой-то жестокой шуткой. Я перечитала сообщение от Дамира в девятый раз, но смысл не меняется – за два часа до церемонии он объявил, что не придет.

– Но... но запись же! – мой голос дрожит, когда я цепляюсь пальцами в стойку регистратора. – Мы можем просто перенести? Я быстро найду жениха!

Чиновница закатывает глаза:

– Девушка, это не ресторан. Либо вы приходите в полном составе, либо аннулируем.

Я выбегаю из загса, сжимая в руках папку с документами. Наспех заказываю такси, который мне сейчас очень не по карману. По пути названиваю Дамиру раз за разом, но трубку никто не берёт.

Сорок минут езды и я оказываюсь в знакомом престижном районе для местных богачей. Не помню, как там называется... Копейка... Рублейка... Не важно.

Дом Барсовых – это трехэтажный каменный исполин с вычурными колоннами и позолоченными элементами. Он выглядит как насмешка – слишком большой, слишком роскошный, слишком холодный.

Охранник кивает мне, пропуская внутрь. В любом случае, мне не запретили входить в особняк. Может всё вовсе не так, как я себе напридумала за эти сорок минут в дороге? А придумала я ого-го как много!

Я толкаю калитку, и она с неприятным скрипом поддается. Двор ухоженный, выстриженный под линейку газон, клумбы с розами, которые даже зимой выглядят идеально. Всё кричит о деньгах, которых у меня никогда не будет.

Но ничего из этого я не просила у Дамира. Я сразу обозначила, что не в деньгах дело. Мне просто нужно хоть что-то, что поможет продлить мою визу. Моё официальное и законное нахождение в России.

Дамир клялся, что поможет... Что все будет в порядке.

Дом не удивил меня тишиной. Здесь всегда так. Без понятия зачем строить три этажа, если живут в нем лишь отец с сыном.

В прихожей меня встретили лишь собственные гулкие шаги по мрамору. Домработницы не видно. Я, воровато оглядываясь, поднимаюсь на второй этаж, туда, где расположена комната Дамира. Каждый раз, когда прихожу в гости к нему, мне бывает жутко неудобно.

Из-за отца парня. Барсов Теймураз Алханович.

Он у него строгий очень. Они вообще плохо ладят с Дамиром, который не хочется братья за ум (по мнению отца) и ведёт разгульный образ жизни. Студенческие вечеринки, выпивка, когда родителя нет дома. Я не раз была свидетелем их ссор.

Я почти дошла до нужной комнаты, как вдруг гробовую тишину особняка нарушает смех. Женский, развязный, перемежающийся знакомым баритоном.

Дверь спальни поддалась с треском.

Дамир, мой жених, который должен был сегодня со мной расписаться, лежит в постели с полуобнажённой блондинкой, нагло ухмыляясь.

– Ах, вот ты где! – я не узнала собственный голос – хриплый, полный яда.

Дамир лениво приподнялся, даже не прикрываясь.

– О, Леечка... Поздравляю тебя с избеганием ошибки! – рассмеялся он, потягивая вино.

Я почувствовала, как по лицу разливается ледяная волна.

– Ты... обещал...

– Обещал что? – привстал, демонстрируя голый торс. – Взять в жёны нищую беженку? Ну ты же умная девочка, сама всё поняла, да?

Он подошёл ко мне, прикрываясь лишь брюками, шатаясь от алкоголя, так близко, что в нос забился запах выпивки и чужих духов.

– Что я поняла?!

– Что ты мне не нужна, – он поманил к себе девушку, которая подскочила к нему, хихикая. Они оба пьяны в стельку. – Хотел жену послушную, зависимую. Чтобы сидела дома, не лезла, не спорила. А ты...

Икает ещё свинья.

– А что я?!

– Ты слишком упрямая, – он резко выпрямился, натягивая брюки. – И до сих пор не пускаешь меня в свою постель. Надоело.

Кажется, сейчас пол уйдёт из-под ног. Так вот чего он добивался? Хотел просто со мной... переспать? А я дура обещала его отблагодарить после свадьбы. Только не знала как, ведь деньги ему не нужны, а тело дать я не могла.

Думала, он благородный, поэтому так терпеливо возился со мной, пока я собирала документы для подачи заявления в загс. У меня же другое гражданство и бумажной волокиты было много, в частности из-за моих личных проблем...

– Но, если разденешься прямо сейчас, мы сегодня же поедем в загс. А, Леечка? Ты правда не в моем вкусе, худая совсем. Но грудь у тебя ничего..., – впивается пьяным взглядом в вырез моей блузки. – Побольше единички?

Я не помню, как подняла руку, ведомая какой-то первобытной яростью. Не помню, как вlepила жёсткую пощечину в его наглуую морду, от которой Дамира шатнуло в сторону, а девица заверещала во всё горло.

– Ты что себе позволяешь, идиотка? Дамирчик, родной, сильно болит?

Она прильнула к нему, но парень раздражённо повёл плечом.

– Отстань! – затем смотрит на меня своими карими глазами полными бешенства и цедит угрожающе: – Ну, Леечка, сейчас ты у меня получишь.

Хватает меня за локти и пришпиливает к стенке.

– По-хорошему, ты не понимаешь, значит? Охуела совсем? Ты только притворяешься бедной и несчастной, а сама намертво вцепилась в меня. Свадьбы не будет, дорогая! Но брачную ночь, которую ты мне задолжала, я возьму.

И тут я начала кричать. Кричать и драться, как только умею. Он что собирается изнасиловать меня на глазах у своей ошарашенной подруги?

Я бьюсь, выкручиваюсь, пытаюсь ударить коленом, ногой по голени, царапаю его руки, которые держат меня, как стальные тиски.

– Заткнись! – рычит он, пытаюсь придавить меня всем телом, одной рукой зажимая мне рот.

Пальцы впиваются в щёки. Я кусаю его ладонь, чувствую солоноватый вкус кожи. Он дёргает руку с ругательством.

И вдруг всё меняется.

Дамира резко отрывают от меня. Не я вырвалась. Его отбросили. Сильно. Он, пошатываясь, отлетает к противоположной стене, спотыкается о тумбу и грузно оседает на пол.

В дверном проёме, заполняя собой всё пространство, стоит... его отец.

Глава 2

Теймур.

Его появление было как удар грома.

Он молча закатывает рукав своей рубашки, обнажая мощное запястье и дорогие часы. Движение спокойное. Весь его вид дышит такой первобытной, неоспоримой силой, что даже визгливая подруга Дамира резко замолкает, зажав ладонью рот.

Теймураз даже не смотрит на неё. Его взгляд, тяжёлый, как свинец, скользит с ошеломлённого Дамира на меня. Останавливается на моих запястьях, где уже проступают красные отпечатки пальцев его сына. Что-то в его лице становится ещё жёстче, ещё опаснее.

– Встать, – произносит он, разрезая тишину.

– Отец, это не твоё дело! – зашипел Дамир, пытаюсь подняться на ноги со второй попытки.

– В кабинет! – рявкает мужчина, отчего блондинка подпрыгивает на месте. – Ты тоже!

Обращается ко мне.

Перевожу влажный взгляд в его глаза, те самые, что обычно спокойные, непроницаемые как замерзшее озеро. Сейчас это озеро треснуло, и из трещин прорывалась магма. В них нет

ни капли алкоголя, только абсолютная, сконцентрированная ярость. Но не холодная, как у Дамира. Обжигающая. Такая, что от неё кровь стынет в жилах.

– Я п-провожу... Аню и... зайду, – пробормотал Дамир, заплетающимся языком пытаюсь выиграть хотя бы пять минут перед расплатой.

Теймураз не удостоил это ответом. Он резко развернулся и пошел в сторону кабинета, не оборачиваясь, в полной уверенности, что за ним последуют.

И мне пришлось идти. Я прошла мимо Дамира, не глядя на него, чувствуя, как его пьяный, злобный взгляд провожает меня в спину.

Теймур.

Высокий, с пронзительными чёрными глазами и резкими чертами лица. Он всегда казался мне неприступной горой. Когда-то даже спас меня от Дамира, застав нас в странной ситуации. Теперь я понимаю, что тот случай в спальне парня, к которому я по глупости заглянула, был вовсе не случайностью. Дамир хотел... затащить меня в свою постель.

А я идиотка даже не поняла, что происходит. Сказала себе, что мне показалось. Поме-рещилось.

Когда его отец снёс замок с двери, которая почему-то оказалась заперта, его сын соврал:

– Мы просто обсуждали банкетный зал!

Я просто хотела спастись. Но оказалась в ситуации похуже.

Исповедь.

В просторном кабинете я сиротливо села на краешек кожаного дивана, не в силах сдерживать рыдания.

– Он... обещал... визу..., – слова рвались сквозь спазмы в горле.

Теймур молча подал мне хрустальный стакан с коньяком, я лишь мотнула головой. Не пью я.

Его взгляд скользнул по моим дрожащим пальцам, которыми я теребила пуговицы на белоснежной блузке. Теперь этот наряд казался костюмом клоуна.

– Расскажи всё. С начала.

И я рассказала. Про отчима, который смотрел на меня голодным взглядом несколько лет. Про мать, предпочитавшую не замечать, закрывающую глаза на его «знаки внимания». Про побег с последними деньгами и дипломом в потрёпанной сумке. Про истекающий срок визы и необходимость найти законное основание для пребывания в их стране.

– Теперь у меня есть три дня до депортации, – прошептала я, глядя на свои колени. – Без документов на работу не берут. Никто не хочет проблем с мигранткой. А учеба для визы должна быть очной... у меня не получилось оплатить семестр. Домой мне нельзя! Ни в коем случае!

Теймур Барсов долго молчал, задумчиво поглаживая подбородок. Потом он медленно поднял взгляд на меня.

– Я помогу.

– ...что?

– Только на моих условиях.

И снова этот взгляд. Та странная, манящая и пугающая искорка в его глазах, которую я вижу каждый раз стоит этому мужчине посмотреть на меня.

– Ты выйдешь замуж, Лея. За меня.

Глава 3

В этом кресле, в этом доме, в этом наряде невесты – везде я была лишней. Как и под собственной крышей, которая не смогла меня защитить от домогательств отчима.

Но нельзя давать себе слабину. Нельзя позволять этому... этому странному оцепенению, которое находит на меня в его присутствии, взять верх.

Всегда-всегда, когда **он**рядом, я чувствую себя так, будто меня поместили под стекло. Барсов видит слишком много. Замечает дрожь в пальцах, слишком быстрый вздох, малейшее движение и это сводит с ума. Потому что внешне...

Нет. Я даже не допускаю такой мысли. Он старше. Он отец того человека, за которого я, по глупости и необходимости, собиралась замуж. Его черты слишком резкие, взгляд слишком пронзительный, а сила в нём слишком очевидная и пугающая.

Это не привлекательность. Это угроза.

И если иногда мой взгляд задерживается на его руках с татуировками, на линии скулы, на том, как он заполняет собой пространство – это лишь животный инстинкт. Распознавание доминанта. Страх, замешанный на адреналине. Не больше.

Но я сломалась. Рассказала. Вывалила к его ногам всю свою убогую правду, которую скрывала от его сына. Про отчима, чей взгляд на моей коже оставлял ощущение липкой грязи. Про мать, которая выбрала слепоту. Про побег, который оказался не спасением, а лишь переходом в другую ловушку.

Сказать это вслух все равно что перерезать последнюю нить. Я оголила самое больное, самое унижительное. И теперь сижу перед ним голая душа в дурацкой блузке.

Я не смотрела на него, но кожей чувствовала тяжесть его размышления. Он взвешивал. Оценивал.

И когда он заговорил снова, мое сердце на секунду замерло, а потом забилось с такой силой, что звон пошел в ушах.

Брак. С ним.

Я подняла глаза, встречаясь в его с той самой искрой.

Той, что я ловила краем глаза за обедом, когда он смотрел на меня поверх бокала. Той, что мелькала, когда он поправлял свой пиджак на выходе, а его взгляд скользил по мне, быстрый, как удар хлыста. Она всегда пугала и смущала одновременно. Заставляла внутренне сжиматься и... краснеть. От стыда. От гнева. От чего-то еще, в чем я никогда, НИКОГДА себе не признаю. Это не интерес. Нет. Это просто реакция на опасность. Как у кролика перед удавом. Вот и всё.

Сейчас эта искра в его глазах не просто мелькает. Она разгорается.

«Ты выйдешь замуж, Лея. За меня.»

Страх, который я всегда к нему чувствовала... в нём никогда не было отвращения. И в этом было самое большое предательство. Предательство самой себя.

– Т-Теймураз Алханович... я н-не совсем понимаю...

– Всё очень просто, – его спокойный и властный баритон разрезает мою растерянность. Он хлопает себя по бедрам, решительно вставая с массивного кожаного кресла, которое скрипнуло под его весом. – Я предлагаю не просто брак, а фиктивный. Понимаешь?

– Ф-фиктивный?

– Да. Мы можем помочь друг другу.

Я кошусь на него странно, почти подозрительно. Помочь **ему**? Чем это я, обремененная безденежьем и депортацией, могу помочь такому человеку? Моя жизнь поместится в карман его пиджака, и он этого даже не заметит.

Барсов снова наливает себе на дно хрустального бокала янтарную жидкость и неспеша пригубляет.

– Моё имя в санкционном списке. Бизнес трещит по швам, активы могут быть заморожены или конфискованы.

– Хорошо, – палю я, и тут же кусаю язык, чувствуя, как по щекам разливается жар. – В смысле, мне жаль, что у вас такие проблемы, и всё же... причём здесь я и моя депортация?

– А притом, малышка. Щас всё объясню.

Глава 4

Мальшика. Слово обжигает, как пощечина, но совсем иного рода. Оно звучит не отцовски, а... снисходительно-собственнически. От него по спине пробегает противный, предательский холодок, смешанный со смущением. Я краснею еще сильнее, ненавидя себя за эту реакцию.

Теймураз пододвигает своё тяжелое кресло на колесиках прямо к дивану, сокращая дистанцию до неуместной. Он оказывается так близко, что наши колени почти соприкасаются. Я судорожно пытаюсь одернуть подол юбки, который задрался, обнажая колени. Бесполезно. Его тяжелый взгляд скользит по ним на мгновение, прежде чем вернуться к моему лицу. Я чувствую себя полностью обнаженной.

– У тебя чистая репутация, нет связей с бизнесом, иностранное гражданство мне только на руку. Я так думаю, что долгов-судимостей у тебя тоже нет?

Я лишь качаю головой, не в силах вымолвить слово.

– Как моя жена, ты легально получаешь право подписи, но реальные решения принимаю я, разумеется. И если власти начнут проверку, формально владелица активов – простая иностранка, а не я.

– И вы... вы правда доверите огромный бизнес какой-то мигрантке без документов? – вырывается у меня, и в голосе слышна не только недоверчивость, но и ужас перед такой ответственностью.

Теймураз смотрит на меня, и происходит что-то неожиданное. Уголки его глаз, обычно напряженные и строгие, слегка прищуриваются. Вокруг них появляется та самая редкая, едва заметная паутинка морщин. Искра в его взгляде не гаснет, а будто бы начинает мерцать с новым, нечитаемым оттенком: смесью амбиций и чего-то ещё, что заставляет моё сердце делать неправильный, сбившийся ритм.

– Почему вы не попросите своего сына?

Вопрос вырывается у меня прежде, чем я успеваю его обдумать. Может, в этом есть какой-то подвох, который я не вижу?

Теймураз издает короткий, сухой звук, больше похожий на выдох презрения, чем на смех.

– Ты реально предлагаешь мне отдать многомиллионный бизнес пьянице-сыну, который разбазарит всё за год, если не за полгода?

Я чувствую, как снова краснею. Да. Глупый вопрос. Он абсолютно прав. Дамир не справился бы даже с собственной жизнью, не то что с фирмами.

– Я даю тебе выбор, – Лея, его голос снова становится ровным, деловым. – Ты получишь не просто бумажку для продления визы, а полноценный вид на жительство. Мы заключаем брак на взаимовыгодных условиях. Для начала, чтобы протестировать схему и твою... надежность, я перепису на тебя две небольшие, но стабильные фирмы.

В голове моментально всплывают криминальные сводки. Мой взгляд сам собой скользит по его крепким, с проступающими венами рукам, ищу те самые татуировки, которые я мельком видела однажды, когда он закатывал рукава.

– А это... ничего нелегального не продаёте? – спрашиваю я тихо.

В его глазах мелькает что-то вроде искры развлечения.

– Логистика и стройматериалы. Цемент и фуры, а не кокаин и стволы, если ты об этом, – отвечает он сухо, но в углу его рта дрогнула едва заметная ниточка. – Плюс, мы назначим тебя номинальным директором в одной из компаний. Зарплата у тебя, разумеется, будет.

Мозг лихорадочно пытается вычислить подводные камни. Я рискую стать «крайней»: если схему раскроют, виновата буду я – наивная мигрантка, которую подставили. Меня могут обвинить в отмывании денег, в мошенничестве... Я не знаю их законов досконально. Это как идти по тонкому льду с завязанными глазами.

Но потом я поднимаю взгляд и встречаюсь с его глазами. Глубокими, черными, не сводящими с меня. Сквозь панику и недоверие пробивается странное, тихое желание... довериться. Почему? Потому что за все время моего знакомства с этой семьей, Теймураз Алханович никогда не повышал на меня голос, не позволял себе двусмысленных шуток, как его сын. Он был холодно-вежлив, почти отстранен, когда я приходила по дурацким бумажным делам к Дамиру. Его взгляд тогда оценивал, но не унижал.

Ну, конечно, он будет оценивать девушку, которую сын притащил домой и на которой собирается жениться. Тем более, когда по мне с головы до пят видно, что я не местная. Это логично.

В присутствии Барсова Старшего всегда было страшно, но... безопасно. Парадокс, который сейчас сводит меня с ума.

Лея, ты его совсем не знаешь, – кричит во мне голос разума.

Но другой голос, голос отчаяния, заглушает его: Это единственный выход.

Потому что я не потяну очную учебу, если меня не берут на работу, я не смогу её оплатить. А такие огромные деньги никто мне не даст на честном слове, да и не получится у меня их вернуть. Мне ещё за свою комнату оплачивать, за коммуналки, продукты.

Одним словом, я в полной яме.

Сделка, которую предлагает Барсов, звучит пугающе, но... логично. Штамп в паспорте в обмен на мое имя в его документах. Фикция, которая спасает нас обоих от реальных крахов.

И вот он пододвигает своё кресло еще ближе. Между нами и так не было и двадцати сантиметров, теперь я чувствую тепло, исходящее от него, улавливаю тонкий запах дорогого парфюма, кожи и чего-то мужского. Я неловко сжимаюсь, обхватываю себя руками, пытаюсь стать меньше, незаметнее. Но он наклоняется ко мне, закрывая собой пространство, свет от люстры и весь мир.

Его взгляд приковывает, лишая возможности отвести глаза.

– Так что же, Лея? – говорит он тихо, и в его голосе нет больше делового тона. Есть низкое, вибрирующее напряжение, которое отзывается дрожью где-то глубоко внутри меня.

Когда он говорит «Лея»... Моё имя с его губ звучит... тяжело. Не грубо, а весомо, будто он выговаривает его намеренно медленно, ощущая вкус каждого звука. От этого по спине бегут мурашки от какого-то дикого, неприличного осознания.

– Ты выйдешь за меня?

Глава 5

– Ты выйдешь за меня?

Моё сердце колотится так, будто пытается вырваться из клетки рёбер и прильнуть к его ладони, лежащей на подлокотнике кресла – широкой, спокойной, с едва заметной белой линией шрама у большого пальца.

Не соглашайся. Шепчет последняя крупница инстинкта самосохранения.

Но виза? Заглушает её голос отчаяния, показывая мысленную карту тупиков.

Я в ужасе, ведь для продления визы у меня было лишь несколько вариантов: брак, учеба или работа. Но жених отказался от свадьбы, на простой работе не хотят возиться с мигранткой, которая к тому же выглядит как подросток, а в серьёзное место меня без опыта не берут, учёбу я не могу потянуть, хотя отучилась у себя на родине. Плюс ко всему министерство иностранных дел запрашивает деньги на счет для визы.

Я бросила мимолётный взгляд на Теймураза, в глазах которого искра азарта уже сменилась чем-то другим. Ожиданием? Уверенностью? Он не торопит меня, позволяет тишине делать свою работу: давить, растягивать мои нервы, вытаскивать на поверхность все мои страхи и... странную, необъяснимую надежду.

– А вы... а вы были женаты? – мой голос прозвучал хрипло, как будто я долго не говорила.

Вопрос вырвался сам, не от разума, а от внезапного острого укола любопытства, пронзившего слой страха. Дамир никогда не рассказывал мне о матери. В этом огромном, холодно-роскошном доме не было ни одной фотографии женщины. Ни следов. Ни памяти. Пустота, настолько полная, что она сама по себе становилась присутствием. Может, развелись? Или, что хуже...

Теймураз не ответил сразу. Он замер, а потом медленно, словно сопротивляясь движению, откинулся в кресле. Расстояние между нами увеличилось на несколько сантиметров, но гипнотическая близость не разбилась – она лишь натянулась, как струна. Тяжёлый и пригвождающий взгляд не отпускает меня.

– Нет, – отвечает он наконец.

Я не поняла. Нет, не был женат? Тогда Дамир... Внебрачный ребёнок?

В голове, вопреки панике, заработала навязчивая арифметика. Теймураз Алханович выглядит на сорок, может чуть-чуть меньше. Идеально, дорого, мощно. Дамиру двадцать четыре. Можно, конечно, предположить шестнадцатилетнего отца, но даже эта безумная математика не складывается с тем властным, абсолютным контролем, который исходит от этого мужчины.

Шестнадцатилетний Теймураз, должно быть, уже был не мальчиком, а формирующимся вулканом, и мысль о нём, растерянном с младенцем на руках, кажется кошунственной.

Кто же была та женщина? И почему её не просто не было – её стёрли?

Я никогда не спрашивала об этом. Дамир сам не делился, отмахиваясь шутками или пошлыми намёками. Он с самого начала видел во мне лёгкую добычу, временное развлечение, а не человека, с которым стоит говорить о прошлом. Его прошлое было набором гламурных фото в соцсетях, моё – тем, от чего я бежала.

Я не стала расспрашивать дальше, только озвучила волнующий вопрос.

– Кхм... Как именно это будет?

– Для начала ты подтянешь русский язык, – резанул Барсов, и у меня уши покраснели. Ну, совершаю иногда ошибки, и что с того? – Я знаю, что у вас на родине разговаривают и на русском, и на родном. Но в бизнесе нужен хороший официальный язык. Мне нужен лояльный человек на этих активах. Номинальный директор, который будет делать ровно то, что ему скажут, без глупых инициатив. Ты идеально подходишь по своему... положению. У тебя нет здесь связей, чтобы плести интриги. Только я.

В его словах не было оскорбления, лишь холодный факт. И от этой откровенности становилось чуть легче дышать. Страшная правда лучше сладкой лжи.

– И, Лея. Для мира, для прессы, для всех, включая мой персонал и мою семью... это будет самый настоящий брак. Ты понимаешь меня?

– Ч-что... что это значит? Вы же сказали... ф-фиктивный будет брак, – голос сорвался на хриплый шепот. Я нервно закусилась нижней губой до боли, пальцы вцепились в подол простенькой юбки.

– Брак будет юридической фикцией, но его оболочка должна быть безупречно реальной. Мы будем жить под одной крышей. Ужинать вместе. Появляться на людях как гармоничная пара. Ты будешь носить мое кольцо и мою фамилию. Всё это – обязательные условия сделки. Понимаешь, Лея?

Я лишь киваю, загипнотизированная его волей, его силой, этой бездной, в которую вынуждена добровольно шагнуть. Барсов спрашивает так, словно я вообще не понимаю язык, на котором он говорит.

– И есть еще один, не подлежащий обсуждению пункт, – его голос опустился на опасно низкую, интимную тональность.

Тёмный, неумолимый взгляд медленно прошелся по мне: от сведенных вместе коленей, по белой хлопковой блузке, к губам, которые я все еще кусаю, и наконец, встретился с моим.

– Став моей женой, пусть даже только на бумаге, тырываешь любую возможную связь с Дамиром. Полностью. Безвозвратно. Ты больше не смотришь в его сторону. Не отвечаешь на его сообщения. Не вспоминаешь о его существовании. Ты поняла меня, Лея?

В последней фразе прозвучала не столько просьба, сколько стальной указ. В глазах Теймураза Алхановича вспыхнуло что-то непонятное мне. Какое-то первобытное и холодное чувство. Я ещё не сказала «да», а он уже утверждает своё абсолютное право собственности. Территория заранее обозначена, и нарушитель, даже его собственный сын, будет изгнан за периметр.

Но отношения с Дамиром? Пффф! Я вас умоляю. Какие там отношения?

– П-понятно. Можете в этом не сомневаться.

Я глубоко вдохнула, собирая остатки воли в кулак. Внутри всё ещё металась паника, но поверх неё уже ложился холодный, ясный слой решения.

Я готова принять любые условия. Даже если этот брак будет клеткой, то хотя бы с золотыми прутьями.

– Согла..., – дверь открывается и в кабинет входит уже не такой борзый и пьяный Дамир.

Глава 6

Теймураз

Первая встреча.

Дождь хлестал по окнам особняка, когда я впервые увидел её. Эта девушка стояла в холле, промокшая, худая, почти прозрачная, как призрак, занесённый осенним штормом в мой дом.

Первая мысль была: «Опять одна из этих».

Дамир уже подводил ко мне очередную «невесту» – слишком юную, слишком напуганную, слишком... доступную. Но когда *именно* этаподняла глаза... Меня пронзило.

Не их обычный робкий блеск. Не наигранная скромность.

Глаза, полные молний.

Даже промокшая до нитки, с растрёпанными волосами, она смотрела на мой дом с таким холодным любопытством, будто оценивала стоит ли здесь оставаться.

В слишком большом пальто, явно не по размеру, которое, казалось, готово было проглотить её целиком. Но девушка держалась с необъяснимым достоинством.

Рыжие волосы. *Как те самые, что я видел однажды ночью.*

Огненные, переливающиеся даже в тусклом свете люстры, словно само пламя решило принять человеческий облик и явиться ко мне. Они были длинными, мокрыми от дождя, и прилипли к ее лицу, к шее, к тонким, почти хрупким плечам.

Но больше всего поразили глаза.

Серо-зелёные.

Не блеклые, не выцветшие, а глубокие, как лес, холодные и чистые. Они смотрели на меня без страха, без подострастия, просто фиксируя факт моего существования, как равный равного.

Дамир говорил что-то рядом, представляя её, но я не слушал.

Я разглядывал её.

Каждый её вздох, каждое движение выдавали в ней не гостя, а беглеца. Вода с её одежды капала на мрамор, и она незаметно подталкивала зонт ногой, словно боялась оставить след.

Чёрт возьми, она была так похожа на *неё*... на ту девушку, которую я видел в своём кабинете в ночь, когда я праздновал свой день рождения. Я был слишком пьян, но знаю, что такая девица точно не могла оказаться там той ночью. Нет, они просто похожи.

Рыжие ведь почти одинаковые, да? Тогда почему я стал разглядывать всех рыжих на улице?

Нет, Тей. Эта девушка не похожа ни на кого. Она особенная. Эти глаза... в них кроется какой-то секрет.

– Ты промокла насквозь, – заметил я, останавливаясь в двух шагах от гостыи.

– Извините, я испачкала ваш пол, – ответила она, и в углах ее губ дрогнуло что-то, что могло бы стать нервной улыбкой в других обстоятельствах.

Я почувствовал странное раздражение. Где страх? Где та робость, с которой обычно встречали меня молодые девушки, которых приводил Дамир?

– Я не об этом.

Мой голос прозвучал резче, чем я планировал. Она вздрогнула, но не опустила свои красивые глаза.

– Представляешь, па? Отказалась со мной в машине ехать. Такая целомудренная, что даже в салоне наедине со мной не остаётся, – смеётся Дамир, жестом приглашая незнакомку вглубь дома.

– Дамир, оставь нас, – сказал я, не отрывая взгляда от её лица.

– О, началась фирменная родительская проверка. Удачи тебе. Жду наверху, – взяв газировку из холодильника, Дамир уходит на второй этаж.

Когда дверь за ним закрылась, я сделал ещё шаг ближе, и она не отступила. Большинство отступает. Большинство опускает взгляд, нервно переминается, подстраивается.

Но не она.

Теперь я видел всё – бледность кожи, синеву под глазами, следы усталости. Но также видно было и другое – жесткий блеск в глазах, решимость в уголках рта.

Её волосы, даже мокрые, отливали медью. Плечи – острые, как крылья птицы, готовой сорваться в полёт. А эти глаза...

Они тогда просили, только я не смог правильно прочесть их.

Я пригласил гостью к дивану, сам не отрывая от неё взгляда. Она неуверенно примостилась на край и бросила на меня очередной выстрел серо-зелёных глаз.

– Как тебя зовут?

– Лея.

– Откуда ты?

– Из казахских степей, – ответила она просто. И сразу стало ясно – она не из тех, кто будет рассказывать грустные истории ради сочувствия.

Лея. Какое вкусное имя. Ле-я.

Вторая мысль: «Она не его уровень».

Её визиты стали для меня странным испытанием.

Я ловил себя на том, что прислушиваюсь к звукам из гостиной. Как она смеётся: коротко, без девичьего хихиканья, как спорит с Дамиром, не заискивая, но и не грубя.

Раз за разом я убеждался:

Лея не играла в скромницу. Не кокетничала. Не пыталась понравиться.

Она просто была собой.

И это... раздражало.

Потому что мой сын смотрел на неё как на очередную игрушку. А я... ждал, когда она разобьётся о его эгоизм.

Дамир хотел её. Это было видно по тому, как он вечно намекал ей подняться в спальню, думая, что меня нет дома. А я был дома, потому что мне сразу докладывали, когда эти двое оказывались на горизонте.

Мой сын никогда не сможет удержать эту девушку. Я тоже, вероятно, не смогу. Но впервые за долгие годы мне захотелось попробовать.

Глава 7

Теймураз

Мой кабинет наполнял горьковатый аромат виски и запах свеженапечатанной бумаги, когда я услышал шум из коридора. Крики. Женский плач. Голос Дамира, развязный и пьяный. Опять.

Я отложил документ, который изучал, и вышел, уже ощущая во рту привкус раздражения. Бизнес разваливается на части, я себе волосы в одном месте рву, чтобы все уладить, а этот засранец устраивает цирк в моем доме.

Картина в коридоре сложилась мгновенно: Дамир, мой беспутный сын, держал за плечи эту хрупкую девушку – Лею.

Боже, она выглядит так, будто её предали всем миром. И что случилось на этот раз? Чего это он так вцепился в нее? И пигалица очередная рядом.

Дай-ка подумать... Поймали с поличным?

Я вмешался, потому что парень не понимает что делает. Он мог по пьяни покалечить Лею. Руки уже распустил, царапины на маленьких ладонях.

– Отец, это не твоё дело! – Дамир бросил на меня дерзкий взгляд, но я заметил, как его все же голос дрогнул. Щенок! Он знает – я не потерплю хамства в своём доме.

Лея замерла, будто испуганный кролик перед змеей. Я рассмотрел её подробнее: простая белая блузка вместо свадебного наряда с фатой, на исцарапанных (Дамир, чтоб тебя!) руках документы, сбившиеся рыжие волосы, глаза, полные слёз и паники.

Значит, сегодня должна была быть их свадьба. Разумеется, я был в курсе. И места себе не находил, зная, что мой сын вместо загса лежит в постели с очередной подружкой.

Не находил места, потому что... беспокоился. Как она там? В шоке, наверное, ждала, что мой непутёвый сын вот-вот появится. Я знал, что Дамир никогда не решится на брак. Он просто хотел согреть свою постель экзотичной девушкой.

– Рассказывай, – приказал я, садясь напротив нее уже в кабинете.

И она заговорила.

Каждая ее фраза вонзалась в меня, как нож.

Отчим. Насилие. Побег. Дамир, обещавший спасение.

Мой сын. Мой позор.

Когда она упомянула визу и депортацию, в голове щелкнуло. Решение пришло не мыслью, а инстинктом. Как на переговорах, когда видишь единственный ход.

Брак. Но не с ним.

Она смотрела на меня, пытаясь прочесть в моем лице хоть что-то. Не прочтёт.

Потому что причина была проста: она стала моей проблемой. Её создал моя кровь и плоть. Значит, я и разберусь. Я обеспечу ей статус, крышу над головой, безопасность. То, что должен был дать он. Это вопрос порядка и... контроля.

А ещё... ещё это был способ раз и навсегда выбить почву из-под ног Дамира. Показать, кто здесь хозяин.

Она подняла на меня огромные глаза, в которых читался немой вопрос: «Почему?». Нет, милая. Я не отвечу почему.

Выслушав мои условия, Лея кивнула, слабо, почти машинально.

Я откинулся в кресле, глядя на неё. Эта девчонка, сама того не зная, только что перевернула всё с ног на голову. Не сломала принципы. Просто расставила новые точки на карте, и я уже начал просчитывать первый ход.

– Согла...

Дверь распахивается, прежде чем она успевает договорить. Дамир на пороге. Выглядит уже не так пьяно, но в глазах та же наглая бравада, смешанная с обидой. Он видит нас: меня в кресле, её напротив, бледную, но с новым огоньком решимости в глазах.

– Отец, мы не договорили... – начинает он, но я не даю ему продолжить.

Встаю. Я не смотрю на сына. Весь мой фокус на ней. На её белокожих руках, которые этот засранец посмел покалечить. Страшно представить, что было бы, не окажись я сегодня дома.

Да я бы его избил, честное слово. Давно пора всю дурь из него выбить. Да всё некогда. Всегда бизнес, дороги, конфликты.

Я наклоняюсь и беру её холодную, прозрачную ладонь в свою. Она вообще что-нибудь ест или только воздухом питается? Её пальцы вздрагивают, цепенеют, когда моя рука полностью закрывает её, сжимает, чтобы не оставалось сомнений.

Поднимаю девчонку на ноги. Лея встаёт, послушная инстинкту или шоку, не смотря на Дамира.

– Отец?! Что это значит? – в нём прорывается паническая злость. Он понимает. Чувствует, как почва уходит из-под ног.

Я всё ещё не смотрю на него. Смотрю на Лею. Взглядом пригвождаю её, чтобы она тоже не смотрела в его сторону.

– Идём, – говорю ей.

Разворачиваюсь и веду к двери.

Дамир загораживает проход.

– Ты куда её ведёшь?

Я останавливаюсь в сантиметре от него. Наконец поднимаю глаза и встречаю его взгляд. Молчу. Просто смотрю. Смотрю так, как смотрю на непрошенных гостей на своей территории. Холодно, безразлично, с полным осознанием своей власти.

Столько лет, Дамир. Из-за тебя я потерял столько лет своей жизни. Потому что не мог по другому, потому что обещал. Хватит уже. Надоело.

Он не выдерживает моего взгляда. Его плечи непроизвольно съёживаются, отступает на шаг, прижимаясь к косяку.

Я провожу Лею мимо него, ускоряя шаг.

Сзади доносится его приглушенный, полный ненависти выдох:

– Что ты задумал, отец?

Я не оборачиваюсь. Не отвечаю. Факт свершился. Объяснений не будет.

Теперь она едет со мной.

Помогаю оцепеневший девчонке залезть в салон на переднее сидение и сам сажусь за руль.

– Вам нужно сопровождение, Теймураз Алханович?

Коротким жестом отсекаю вопрос начальника охраны. Сегодня без «хвоста». Но, тронувшись с места и вспомнив о главном, опускаю стекло внедорожника.

– Вещи Дамира собрать. Чтобы к моему возвращению всё было готово.

– Вещи... в отпуск, Теймураз Алханович?

Я медленно поворачиваю к нему голову. Без слов. Просто смотрю. Этого хватает. Цвет лица у мужчины меняется.

Хватит паразитировать, сынок. Пора учиться зарабатывать на жизнь самому. И начинать стоит с чемодана.

Теперь, когда в моём доме будет жить эта милая особа, я ни за что не позволю ему находиться рядом.

Барсов, ты что? Ревнуешь молодую жену к сыну?

Во-первых, она ещё мне не жена. Мы вот на пути к этой цели. А во-вторых, дело не в этом. Я эту девушку даже не знаю, чтобы... глупость какая! Лея просто стала переломным моментом между отношениями отца и сына. Сегодняшний случай окончательно открыл мне глаза. Дамира необходимо отправить во взрослый мир.

Либо возьмётся за ум и сделает как я скажу: что гарантирует ему хорошее будущее. Либо... вернётся к дедушке с бабушкой.

– Пристегнись, Лея.

– Хорошо.

Она выглядит слишком бледной. Труп и то ярче будет. И как такую под венец? Еще скажут, что насильно заставляю. Кто я – почти сорокалетний бугай с татушками, напоминающими о нелегком прошлом. И кто она – нежный цветочек, рядом с которым даже дышать страшно. Вдруг развалится.

И какой чёрт дернул её сойтись с моим сыном? Что, больше парней не нашлось неравнодушных к её беде?

Что только тебе не пришлось пережить, котёночек. И до сих пор держишься на ногах. Цепляешься за жизнь. Ну, точно котёнок. С виду такая мягкая, ранимая и волосы эти... хочется потрогать. Глазки больше нравятся. Если бы не плакала так много. Вся влага из организма там. Все эти восемьдесят процентов.

Кхм. Куда это я собирался ехать? Включаю двигатель.

Лея озвучивает тот же вопрос.

– В загс, – выруливаю за ворота. Взглядом цепляю её маленькую фигурку в большом кожаном кресле. – Но сначала заедем в одно место.

Глава 8

Лея

Я выхожу замуж. За Барсова Теймураза. Отца своего... бывшего-идиота-жениха.

Господи, это звучит как кощунственная шутка. Но это мой единственный выход. Всего лишь фикция, бумажка для миграционной службы. Я получу законный статус, найду работу, встану на ноги и тогда мне не понадобится ничья помощь. Через год я выйду из этой игры свободной.

В следующем году... Страшно даже загадывать так далеко.

Главное, сейчас нельзя дать им выслать меня. Если миграционка свяжется с моей семьей... мне конец. Лучше любой фиктивный брак, любая работа, любое унижение. Лишь бы не возвращаться в тот дом.

Что ж, не вышла за Барсова-младшего, выйду за старшего. Подумаешь, трагедия. Деловая сделка. И все эти странные мурашки по коже прочь. Не за бесплатно же, в конце концов. Я тоже рискую! Я ведь не знаю, что у него на уме.

– А у нас... точно получится? – голос звучит неуверенно даже в моих ушах. – Запись ведь отменили...

Я смотрю на него и ловлю себя на мысли: это уже не отец несостоявшегося жениха. Это мой... потенциальный муж. Теймураз. Теймур.

Мур-мур.

– Об этом не волнуйся. Для Барсовых нет закрытых дверей.

Я замечаю, как чуть дрогнул уголок его губ. Не улыбка, а тень чего-то... превосходства? Иронии?

Барсовы. Красиво звучит.

Даже на мизинце у мужчины – перстень с изображением барса.

– Это ваш фамильный знак?

Теймураз следует за моим взглядом, его палец поворачивает перстень.

– Единственная вещь, доставшаяся от отца. Думал, когда родится сын, я передам его... но видимо, не судьба.

Мне стало по-человечески жаль этого человека. Дамир рос с золотой ложкой во рту, но и так и не стал достойным продолжением своего отца. Лгун, пьяница и изменник. Таким нельзя ничего святого доверять.

– Может, он еще одумается? Дамир ведь все таки... ваш сын.

Я говорю скорее из вежливости. Теймураз поворачивает ко мне голову. Его взгляд тяжелый, задерживается на секунду дольше, чем нужно, и в нем нет ни тепла, ни гнева. Только холодная констатация.

– Сын... мда.

Машина мчится к центру города. Молчать стало невыносимо, тишина наполняется гулом моих мыслей. Мне отчаянно хочется понять, из чего он сделан, этот железный человек.

– А фамилия... Она идет корнями из прошлого?

– Мой прадед был снайпером, – и тут он... улыбается. Легко, почти неприметно, но это настоящая улыбка. Я вижу ее впервые. – Он получил прозвище «Барс» во время войны. Так и пошло. А печатка была его.

Я невольно улыбаюсь в ответ, представляя сурового солдата на поле боя. Машина внезапно останавливается, но мы не у загса, а напротив гигантского торгового центра. Я помню, что мужчина сказал заехать еще кое куда, только вот почему мы остановились там, где, по моим скудным знаниям, продаются люксовые бренды, непонятно.

Может нам всё-таки не сюда? Какой шоппинг, когда на носу свадьба?

Теймураз глушит двигатель на VIP-стоянке, выходит из машины. Я кое-как отстёгиваюсь, открываю дверцу, а он уже рядом. Протягивает руки... Боже, я от стыда провалюсь под этот асфальт.

Да, тут подножка высокая, потому что у Барсова не машина, а танк какой-то!

– Спасибо, – пишу я, когда меня твердо обхватывают и аккуратно ставят на землю.

– Придётся сменить машину, – бросает он, направляясь в тот самый ТЦ.

– Это ещё зачем? – спрашиваю вдогонку. У него длинные ноги и большие шаги.

– Ты такая дюймовочка, что без помощи сама не взберёшься, не слезешь. А прикасаться к тебе посторонний мужчина не будет.

Я замираю у входа, будто вкопанная.

– П-прикасаться?

Он оборачивается, и его взгляд скользит по мне, оценивающий и... владеющий.

– Я не смогу постоянно тебя возить. Будет личный водитель. И охрана.

– Мне не нужны ни водитель, ни охрана! – в голосе прорывается паническая злость. – Как-то жила и без этого, проживу и дальше!

Я тянусь к массивной ручке двери, но его ладонь накрывает мою, прижимая. Он наклоняется так близко, что я чувствую легкий, дорогой аромат его кожи.

– Нужны, Лея. Ты забыла, чьей женой станешь? Это обязывает.

– Вы что... бандит? – слова вырываются сами, и я в ужасе прикрываю рот. Эти татуировки, скрытые манжетами... Этот дворец вместо дома...

Разве честным трудом можно на такие хоромы заработать? Простым смертным такое точно не по карману.

Его глаза сужаются, и в их глубине снова вспыхивает та самая опасная, манящая искра.

– Я бизнесмен, малышка. Очень, очень законопослушный.

В уголках тёмных глаз лучиками сходятся едва заметные морщинки. Он смеётся надо мной?

На рефлексии нет времени. Дверь открывается, и нас поглощает иной мир: стерильный блеск мрамора, приглушенный свет. Здесь пахнет деньгами и недосыгаемостью. Вокруг не так много людей, что понятно. Это не за хлебом в магазин пойти.

– Вам что-то нужно купить?

Оглядываюсь по витринам, рассматриваю разную одежду, глаза то и дело разбегаются среди молчаливых манекенов в нарядах ценой с мою жизнь.

– Не мне – его голос звучит прямо над ухом. Он мягко направляет меня к матовой стеклянной двери. – Тебе.

За дверь открывается царство шёлка, перьев и жемчуга. Свадебный салон.
– Заходи, Лея. Сегодня ты должна выглядеть как настоящая невеста.

Глава 9

– Зачем тратить деньги на платье? – бормочу я, заходя внутрь. – Это ведь просто формальность.

Ответом стало лёгкое прикосновение его ладони к моей спине. У меня мурашки каждый раз, когда между нами происходит контакт кожи о кожу.

– В моём мире даже фикции должны выглядеть безупречно.

Салон с вычурным итальянским названием, которое я не сумела прочесть, встретил нас холодным блеском хрустальных люстр и вежливыми улыбками консультантов. Теймур опустился в кресло, словно на трон, расстегнув пиджак и бросив короткое:

– Белое. Не кремовое, не шампань – белое.

Я теребила край рубашки, пока консультантка с ухоженными ногтями подбирала варианты.

– Ваш мужчина определённо знает, чего хочет, – прошептала она, помогая мне застегнуть первое платье.

Что бы она сказала, услышав кем мне этот «мужчина» являлся ещё тридцать минут назад?

В зеркале передо мной отражается девушка с острыми ключицами, и тонкими запястьями, которые выглядят ещё более обнажёнными в кружевном корсете на тонких лямках. Платье стоит больше, чем все мои вещи за последние пять лет.

Оно слишком красивое, слишком открытое для меня. Слишком «ненужное» для фиктивного брака.

– Выходи, – голос Барсова донёсся из-за ширмы.

Я сделала шаг и...

Он смотрит. Не просто смотрит – буквально изучает.

От макушки, где рыжие волосы наспех собраны в небрежный пучок, до туфель, предложенных для примерки.

Взгляд мужчины, всегда такой контролируемый, внезапно стал другим. Теймур медленно поднялся, подошёл так близко, что я почувствовала аромат его парфюма – тёплый, с горьковатыми нотками табака.

Я нервно сжимаю пальцами кружевной шов платья.

– Я не могу это принять.

Его взгляд скользит по моей фигуре, которая еще ни разу не была настолько обнажена. У меня даже груди нет, чтоб настолько оголять декольте, но консультант сказала, что такой фасон подходит именно худышкам.

– Ты выглядишь так, будто сломаешься от одного прикосновения, – сказал он тихо, вгоняя меня в краску.

Воображение рисует сцены... всякие...

– Можно купить что-то простое, – настаиваю я, – это ведь только для бумаг. Никто не будет смотреть.

Теймур медленно поднял глаза с моих голых ключиц и встретился с моим взглядом в зеркале.

– Я буду смотреть.

Консультант, почувствовав напряжение, поспешила предложить другое платье – более скромное, без итальянской вышивки, но Теймур резко поднял руку.

– Нет. Это.

Я глубоко вдохнула, смирившись. Платье облегает меня всю, подчёркивает худобу, узкие плечи, тонкую талию. Я чувствую себя неудобно. И невыносимо красиво.

Теймураз задержался на моём лице. И в них, чёрт побери, промелькнула не оценка, а искра. Та самая, о которой в нашем стерильном контракте не было ни слова.

Отлично, Лея.

Гений интерпретаций. Мужчина впервые видит тебя в человеческом обличье, а ты уже строишь романы.

«Желание».

Да он, может, просто удивлён, что под твоими обносками хоть какие-то контуры нашлись.

Консультантка закашляла.

– Нужны корректировки? В талии явно лишние три сантиметра...

– Оставьте как есть, – перебил её Теймур. Его рука на мгновение коснулась моей талии – властно так, сжимая – Ты будешь есть нормально в моём доме.

А я еще киваю болванчиком. Только и рада, что обо мне впервые кто-то заботится, прекрасно понимая, что это не по-настоящему. Пусть хоть так. Пусть этот брак станет ложью, но обо мне заботятся.

– Хорошо, – подвел итог, придирчиво рассмотрев меня. – Туфли оставьте. Ещё шубу белую и..., – взгляд вернулся к моим волосам. – Если сможете придумать причёску за двадцать минут, добавлю сверхположенного. Лицо не трогать.

– Сию минуту. Какой у вас размер верхней одежды? Думаю, сорок два.

А это уже ко мне.

– Не нужно шубу..., – хотела было возразить, да поймала на себе суровый взгляд и, едва не заикаясь, ответила: – Сорок второй.

Шуба, конечно, пригодится. Чтоб скрыть тело в открытых кружевах и... элементарно не простудиться.

В течении сказанного времени мне завили, откуда-то взявшейся плойкой, мягкие волны. Управились даже чуть быстрее, и получив одобрителный кивок Барсова, девушки восторженно перешли за кассу.

– Можно я... возьму ещё кое-что?

У меня предательски краснеют щеки, но мужчина ни за что не догадается что я хочу взять. А мне оно позарез как нужно, раз решили полный образ менять.

– Выбирай быстрее, – пробурчал он, не глядя. – У нас есть час до загса.

Я шепнула консультанту на ухо и побежала в примерочную. На мне свадебное платье, сверху белоснежная неимоверно красивая и мягкая шуба, дорогие туфли с жемчужиной посередине. Я как принцесса, сошедшая из сказки.

Теймураз, расплатившись за всё великолепие (я убежала от кассы, чтобы не видеть сумму), галантно взял меня за талию, помогая не запутаться в подоле и провёл до выхода.

Теперь дело за малым.

Глава 10

– Мы приехали. Регистрация через двадцать минут.

Мужчина выключил двигатель. Внезапная тишина после гула мотора оглушила меня. В ней окончательно потонул мой старый мир.

Я нервно озираюсь на большую золотистую табличку «ДВОРЦА БРАКОСОЧЕТАНИЯ». Поправляю волосы, поправляю шубу, будто этот мех может защитить от того, что ждёт внутри. Уже стемнело, окна здания горят ярким светом, намекая, что скоро всё закроется.

– Спасибо.

Благодарю я в очередной раз, когда мне помогают сойти на землю.

Мы идем к входу, и я ловлю наше отражение в тёмном стекле дверей: он – монолит в идеальном пальто, я – бледное пятно в белой шубе, похожее на призрак невесты.

Внутри пахнет официозом и тишиной опустевшего учреждения. Никаких взволнованных родственников, цветов, смеха. Только мерцающий экран, объявляющий последнюю пару на сегодня, и наши шаги, гулко отдающиеся в мраморном холле.

Процедура была выхолощенной и пугающе быстрой. Чиновница в строгом чёрном пиджаке зачитала стандартный текст, глядя куда-то поверх наших голов. Я повторяла слова клятвы, не слыша собственного голоса. Моё сознание отделилось и наблюдало со стороны, как какая-то девушка в белом дрожащей рукой берет ручку, чтобы подписать документ.

– Объявляю вас мужем и женой, – устало произнесла женщина и сделала запись в книге регистрации.

Теймураз кивнул, взял свидетельство, одним движением сложил во внутренний карман пиджака.

– Всё.

Сделка заключена. Актив получен. Называй это, Лея, как угодно.

Барсов развернулся ко мне. В зале повисла пауза, которую в нормальном мире должен был заполнить первый супружеский поцелуй. Его взгляд, тяжёлый и пронизательный, скользнул по моему лицу, будто считывая каждый мимолётный испуг, каждое сопротивление. И Теймураз всё правильно понимает в моих глазах.

Чищу горло, отгоняю непотребные мысли прочь.

Мне... мне теперь нужно домой. То есть... – спохватилась я, заметив, как его бровь едва заметно поползла вверх. – К себе, на квартиру. Я комнату снимаю. Это далеко, так что... я поеду на метро.

Я тараторила, не в силах остановиться, и с ужасом наблюдала, как его карие глаза темнели, становясь почти чёрными, с каждым моим словом. Что я такого сказала?

– В метро, – его голос был ровным, но в нём послышался ледок. – В *свадебном* платье.

Я оглядела себя, будто впервые замечая тюль и кружева.

– А, это... Ну, мало ли в подземке экстравагантных личностей. Примут за свою, – махнула я рукой, пытаюсь натянуть беззаботную улыбку.

– Нет, Лея. Ты теперь *моя*. Жена, в смысле. Я не позволю тебе одной, в таком виде, шляться по ночному городу, – быстрый и оценивающий взгляд скользнул по мне.

В каком таком виде? Мне казалось, я выгляжу... красиво. В примерочной отражение в зеркале вызывало смутную гордость. Да что там «казалось» – я никогда в жизни не чувствовала на себе столько восхищённых (и не только *его*) взглядов.

– Вы не обязаны таскаться со мной как с ребенком...

– Во-первых, Лея. Обязан. У нас есть уговор. Я уже говорил тебе что и зачем. А во-вторых, обращайся ко мне на ты. Мне кажется, в сложившейся ситуации неуместно выкать мне.

– Л-ладно... как хотите, – пожимаю плечами и даже больше от холода. Шуба хорошая, но под ней я почти раздета.

Мужчин смеряет меня взглядом и открывает дверь внедорожника.

– Садись уже. Не хватало заболеть.

– Я только с виду такая хрупкая, Теймураз Алха... э-э... Меня так просто не возьмёшь. И почему эта фраза слышится мне так двусмысленно?

– Я вижу, – улыбается широко и закрывает за собой дверь.

Все суровые люди выглядят добрее, когда улыбаются. А у этого человека не просто улыбка, а... как будто свет пробивается изнутри стоит ему показать свои искренние чувства.

– Забудь про комнату, Лея. Я не позволю своей жене, даже фиктивной, жить не понятно где и в каких условиях. Если понадобится, завтра поедем заберем вещи, но на этом всё.

– Так боитесь упускать контроль?

– Что, прости?

Поворачиваюсь к нему.

– Вы держите меня рядом, потому что... не доверяете. Вы же планируете переписать на меня свой бизнес.

Теймураз молчит. Только обивку руля почему-то сжимает, как... как будто это горло кровного врага.

– На «ты», Лея. Со мной на «ты».

Вздыхает так, что у меня горестно сердце сжимается. Откидывается на подголовник, расслабленно ведя машину в вечерней пробке.

– Сколько же всего тебе ещё предстоит понять... – пробормотал он себе под нос, проводя рукой по сильному, резкому подбородку.

Уж простите. Не я просила брать себя в жены. Сам виноват, раз на непутёвой, неопытной женился. Я же совсем жизни не знаю. И в Россию прилетела на свой страх и риск. Еле дожидая окончания университета и сразу свалила.

А там дома мать никуда не пускала, на хобби и развлечения денег не давала и самой работать не позволяла. Говорила, женщине это не нужно. Что лучше дом в чистоте держать и за скотом присматривать.

Но я всё равно подрабатывала тайком. Писала для студентов помладше курсовые всякие, доклады. Долго копила. Сумма то нужна была немаленькая. Чтобы первое время покрыло расходы на перелёт, жильё, продукты.

Я знала, что будет нелегко, но реальность разбила меня сразу, как пришлось продлеваться. Я не ожидала, что с работой тут возникнут проблемы, ведь столько людей из разных стран работают в разных сферах.

Один работодатель даже не поверил, что мне двадцать два, пока дотошно не посмотрел в паспорт.

Мы возвращаемся в особняк Барсовых. Теймур тормозит у подъезда, к нам подходит высокий человек в костюме, с наушником в ухе. Это охрана.

– Всё сделано по вашему указанию, – оповещает он о чём-то и Барсов, кивнув, возвращается ко мне.

И вот что было самым невыносимым – он ... безупречно галантен.

Такой Мужчина с большой буквы.

Так заботливо помогает мне подняться по лестнице, придерживая за талию и подол платья.

Очень-очень жаль, что я никогда не познаю этого женского счастья по-настоящему. Жалкий всхлип срывается с губ совершенно случайно.

– Что с тобой, Лея? – Барсов мгновенно остановился в холле, его руки легли на мои плечи, заставляя встретиться взглядом. – Болит где-то?

Киваю, ещё не осознавая куда всё идёт, но слезы всё текут. Всё, что накопилось внутри выливается потоком слёз.

– Где?

Его голос потерял привычную сталь, в нём появилась необычная резкость, почти тревога.

– Вот здесь.

Я, не думая, схватила его огромную, смуглую ладонь и прижала к своей груди, прямо к тому месту, где рвалось на части что-то важное.

Глава 11

Мужские пальцы под моей дрожащей рукой на мгновение окаменели. Я чувствовала сквозь мех шубы силуэт его ладони, и ждала, что он отшвырнёт меня, отстранится с холодным презрением.

Но Теймураз не отстранился.

Его взгляд, прикованный к месту, где его рука лежала под моей, помутнел. Что-то неуловимое, дикое и беззащитное промелькнуло в его обычно нечитаемых глазах. Он не двигался, будто боялся спугнуть хрупкую птицу, прилетевшую к нему на ладонь.

– Лея, – произнёс он низким, приглушённым, почти шершавым голосом. Его большой палец, лежавший неподвижно, едва заметно дрогнул, коснувшись меня сквозь ткань. – Это не та рана, которую можно перевязать.

И тогда я поняла весь ужас своей выходки. Я выпустила его руку из своей, как от огня, и отшатнулась, покрываясь густым румянцем стыда.

– Простите, я... я не знаю, что на меня нашло.

Но он не дал мне отступить далеко. Его руки сами легли на мои плечи, уже не сдерживающей хваткой, а скорее... просто удерживающей.

– Ты прошла через многое, – сказал он мягко. Его взгляд снова стал собранным, но в глубине ещё тлеет тот самый, только что увиденный, огонь. – Иногда самая настоящая боль – та, что внутри. И её тоже нужно лечить. Просто другими способами.

Он медленно вытер подушечкой большого пальца слезу, скатившуюся по моей щеке. Жест был настолько неожиданно нежным, что у меня, кажется, кровь застыла в жилах.

– Лея, – произносит он моё имя, и в его интонации столько чувственности, что мне захотелось плакать с новой силой.

Вот что со мной не так? Почему такая реакция на этого сильного, заботливого и ... совершенно запретного мне мужчину?

Дело ведь не в том, что он отец Дамира, не так ли?

– Я найду лучшего психотерапевта. Если ты не против, конечно же. Ты больше не будешь бояться, Лея. Мужчины... не все подонки. Хотя тебе, судя по всему, везло только на них.

– Н-но вы не такой! Я... я это чувствую.

– Мы, кажется, договорились, Лея.

Он мягко, недвусмысленно указал на фамильярность. Запоздало вспомнив, что «выкать» теперь нельзя, я лишь покраснела сильнее.

– А теперь иди, умойся, переоденься... и спускайся к ужину.

Я смогла лишь кивнуть, потеряв дар речи. Он отпустил меня, и я, не оборачиваясь, почти побежала к лестнице, чувствуя на своей коже жгучий отпечаток его ладони и слыша в ушах низкий, изменившийся тембр его голоса. Он видел. Видел самую глубину.

Еще никогда и ни перед кем я так душевно не обнажалась. Моя слабость никому не была нужна. Даже собственной матери, что выносила и родила меня.

Я поднимаюсь на второй этаж, где расположены хозяйские спальни и замираю в ступоре в огромном холле. А куда мне, собственно, заходить? Ну, точно не в комнату Дамира.

Останавливаюсь напротив другой двери, порог которой никогда не переходила. Потому что за ней спальня Теймураза.

Я больше не знаю куда мне идти, где и главное, во что переодеться. Раз Барсов стал мой мужем... значит, мне можно туда?

Чищу горло, словно хочу спросить разрешения войти, хотя знаю, что хозяин дома внизу, ждёт в столовой.

Подумать только... Барсов Теймураз Алханович ждёт меня на ужин. А чего ты удивляешься, Лея? Он и раньше был... обходительным. Ну, в те дни, когда я забегала сюда ради документов для миграционной службы. Дамир ведь обещал, и я верила ему, слепая дура. Смотрела как на героя.

А Барсов... Вот вспоминаю наши краткие столкновения и понимаю, что героем как раз таки был он. Интересовался моими делами, в первую очередь спрашивал поела ли я. Я,

конечно, врала, мол поела дома или неголодна. А у самой слюни текли от ароматов, что доносились с кухни. Ну, не могла я позволить себе сесть с ними вместе и трапезничать.

Я вообще не из их круга. Для меня до сих пор загадка, как Барсов вообще решился на брак со мной. Ясно, что у нас взаимная выгода, и всё же в голове не укладывается, что я стала женой такого влиятельного человека.

Мать, если б узнала, сгрызла бы все ногти. Она и так всеми силами пыталась меня из жизни выжить. Я же потому и ела мало, что придирок от неё не хотела. Лишний кусок хлеба не трогала. А потом появились проблемы со здоровьем, по-женски: то цикл сбивается, то ещё что-то. В общем, от меня одни неприятности.

И такой человек навряд ли захочет себе в супруги больную жену. Хотя, так, к слову, у нас просто договор и мы... мои проблемы с циклом его не должны волновать. Я же не обещала ему ребенка рожать, в конце концов. Значит и проблемы нет.

Я снимаю с себя шубу, аккуратно кладу на край большой кровати. Нужно это всё вернуть мужчине: и платье, и туфли. Снимаю с себя всё и остаюсь в белоснежном белье, которое умудрилась купить тогда в салоне. Не знаю зачем мне это. Просто подумала, если всё обновлять для образа невесты, то и бельё... должно быть соответствующее.

Не обеднеет же он от одного комплекта из лифа и трусов? Тут даже подвязок с поясом нет.

Смотрю на себя в напольном зеркале в полный рост. Кого я обманываю?

Я просто маленькая дурочка, которая вдруг поверила в сказку, где прекрасный (и немного тёмный) принц спасает простушку от беды.

Алё, Лея! Ты не в сказке! Это реальность. Быстро умываться и бегом на съёмное жильё, что бы там Барсов не говорил, я не могу остаться тут с ночевкой.

Такс. А вещи мои где? Пустая голова! Оставила в салоне. Увидела роскошные платья и про свои тряпки тут же забыла. Уф-ф, Лея! Что за день вообще? Поскорее бы наступило завтра.

Я воровато оглядываюсь и осмеливаюсь открыть гардероб мужчины. Здесь идеальный порядок: всё чистое, выглаженное, разложено по категориям. Ладно. Может я смогу попросить у домработницы что-нибудь? Ну, платье там какое-нибудь или стоит вернуться в салон за своими шмотками?

Мне в любом случае нужно чем-то прикрыться, чтобы выйти отсюда. Беру из гардероба своего (вполне законного) мужа чёрную рубашку, чтоб не пачкать светлую. Зная себя, лучше перестраховаться. Может найдутся шорты какие-нибудь или... чем бы мне прикрыть низ?

Открываю дверца, заглядываю в ящики с множеством различных галстуков, ремней и ... даже мужское бельё нашлось. Тянусь уже к боксерам, ну а что, будут мне как шортики. Замечаю странное движение в углу шкафа. Здесь светлые полы везде в доме, поэтому любое тёмное пятно заметно. Представляю, сколько работы для домработницы.

Но пятно двигается. Я так и не дотянулась до боксеров Барсова, как застыла с немым криком в горле.

Там... в углу... огромный, просто огромный паук. И он двигается на меня.

Глава 12

Мне хочется закричать, позвать кого-то на помощь, но из горла вырывается хриплый вздох.

– Т-Теймур-р... Помоги... – шепчу онемевшими от ужаса губами.

А затем, через секунду, когда затаившийся у плинтуса паук, делает резкий скачок вперёд и вовсе ору во всё горло.

С лестницы слышен быстрый топот шагов. Барсов влетает в комнату, сканирует каждый угол глазами, ища опасность.

– Лея?! Ты в порядке? Что случилось... что? Почему кричала?

– Т-там... – тыкаю пальцем в угол за шкафом. – Там это... п-паук...

Он идет в указанное место, и я снова кричу.

– Стойте! Не идите! Там же паук. Он вас укусит. Гляньте какой огромный! С вашу ладонь! Давайте лучше уйдем, а лучше... позвоним в МЧС. Это же у вас такая служба да, экстренной помощи? П-прошу вас, давайте.

– Лея, – доносится ласково.

Смотрю на него и не понимаю, почему на его лице эта дурацкая... улыбка.

– Лея, солнышко. Это мой питомец. Ничего страшного.

Солнышко? Я-то?

– П-питомец? Вы в своём уме? Точнее, ты!

Но я своими глазами вижу, как Теймураз подхватывает этого огромного паука, которого я только по телевизору видела. Ну, этот... птицеед, вот. И кладёт жуткую тварь себе на ладонь. А там такие мохнатые ножки, такие...

Ноги подкашиваются, и я хватаюсь за косяк.

– Прошу вас, уберите... у меня страшная арахнофобия. Я боюсь пауков и вообще всех ползающих, летающих... Мне страшно.

Он ловит мой жалкий плаксивый взгляд и быстро убирает паука в огромный стеклянный домик, который я почему-то сразу не заметила.

Мужчина уходит с ним же в руках, а я всё никак не могу успокоиться. Кто в здравом уме будет держать паука в доме? Это не кот и не собака! Липкое ощущение не покидает даже когда опасности нет в комнате. Мне до сих пор мерещатся эти толстые мохнатые чёрные конечности. Бр-р-р!

– Я велел убрать паука из дома. Полностью. Больше не нужно бояться.

Он заходит обратно в спальню, но замирает буквально на пороге. Его взгляд смотрит куда-то... не на меня. Точнее, на меня, но не в глаза, а куда-то вниз. Странный, ошеломлённый взгляд. И понимать его смысл сейчас я не очень хочу.

– Извини. Мне не стоило заходить сюда... просто, когда ты сказал...

– Всё нормально, Лея. Это я виноват. Забыл, что ты у меня такая девочка-девочка.

Я давлюсь воздухом. У кого-у кого я девочка?

У меня получается сделать большой успокаивающий вдох. Смотрю на вещи, разложенные на кровати, и медленно прохожу в комнату.

– Из-за меня ты сорвался с ужина. Прости еще раз и... м-можно я поеду к себе домой? Здесь мне одеться не во что, а свадебное платье, – бросаю на одежду тоскливый взгляд, – каким бы роскошным оно не было, не самый удобный образ за столом.

– Я распорядюсь, чтобы тебе немедленно привезли что-нибудь, – Барсов тяжело сглатывает и всё смотрит ниже уровня моих глаз. – На сегодня, а там... сама купишь на свой вкус, – хрипло заканчивает он.

Да что такое-то? Ах, это его так рубашка своя на мне смутила?

Минуточку, Лея.

Только не говори, что...

Рубашка. Она же такая короткая, бедра прикрывает и всё же... О боже! Так вот куда он смотрит всё это время. Недоволен, что я без спросу взяла чужую вещь?

– Не стоит тратиться. Я лучше поеду домой. Спасибо за... загс и прочее. Я никогда не забуду эту помощь. А сейчас мне нужно, – киваю на дверь и делаю шаг в сторону.

К моему лютому шоку, Барсов совершает один большой шаг и хватает меня за плечи. Смотрит одичало в глаза и... оттаскивает меня от входа до ближайшей стены. Холод пробирается сквозь тонкую ткань рубашки, но меня сейчас не это должно волновать.

Меня должны волновать чёрные глаза напротив, в которых... мамочки, столько знакомых опасных искр...

– Лея, солнышко, – шепчет он сдавленно. – Куда ты собралась в таком виде? Ты сума меня свести решила?

– Что?

Я смотрю на себя сверху вниз и понимаю, что не застегнула ни одну пуговицу. Просто ни одну. Просто не успела, увидев того проклятого паука. И он... Теймур видит на мне это кружевное, это красивое нижнее бельё, которое даже мою щуплую фигуру визуально делает женственной.

Боже, Лея. Ты облажалась на этот раз.

Лихорадочно соображаю, что бы сделать, как оправдаться, как замечаю за дверью спальни тёмную фигуру.

– Ле-е-я, – томный шёпот с хрипотцой возле уха.

Я не смотрю, но чувствую, что Барсов приблизился ко мне вплотную. Моё внимание устремлено на небольшую щель в двери, за которой стоит Дамир и... подсматривает за нами.

Предатель, из-за которого я могла всё потерять. Если бы не Теймураз, моя жизнь превратилась бы в кошмар номер два, уже с продвинутым уровнем.

И то ли от чувства благодарности, то ли от чувства маленькой женской мести я и делаю то, что делаю.

Встаю на цыпочки, обнимаю мощную татуированную шею своими руками и тяну к себе Теймураза, чтобы прижаться к его губам.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.